

Встреча или другая реальность 1

Черная дыра

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Д. Г. Боррони

Дмитрий Георгиевич Боррони
Встреча или другая
реальность 1: Черная Дыра
Серия «Встреча или другая
реальность», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24310961

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-10137-1

Аннотация

-Скажите, что есть космос? Много в нем неизведанного, много таинственного. кто знает что или кто там, в космосе, особенно мы не знаем, кто или что обитает там, в глубинной вселенной, в Черной дыры. Мы привыкли считать, что там жизни нет, но так ли это? Может мы ошибаемся, и некие организмы там присутствуют? Мы не можем это знать, потому что, мы знаем что там нет жизни. но если бы она там была, то какая она там? Кто знает? Всякий человек может попасть в эту дыру, но как из нее выбраться, вопрос. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Боррони

Встреча или другая реальность 1: Черная Дыра

Глава 1

Эта история началась давно, можно сказать вначале двадцатого Революция, беспризорница, голод. Вот вам и вся учеба. Как-то она говорила, что видела самого В. И. Ленина. Правда ли это было или нет, кто знает? Впрочем, мы этого никогда не знаем.

Познакомились они с моим дедом, Григорием Ивановичем вы спросите где? Это я не знаю. Прасковья Филипповна сама этого не помнила, а дед не говорил. Но мне кажется, что они познакомились на улице. В те времена мой дед служил в НКВД, наверное, при какой ни будь облаве он и встретил века. Мы жили в одном из поселков в Раменском районе. Семья наша была небольшая. Моя бабка Прасковья Филипповна была женщиной не очень образованной. Ей не довелось закончить общеобразовательную школу.

С моей бабкой они поженились, и через год у них родилась их первая дочь, назвали ее Ниной.

Прелестный ребенок. Красивая в меру упитанная девоч-

ка. Она принесла радость и покой в эту семью. Действительно, что за прелесть. Добрая, любящая порядок чистоплюйка она росла, горе не зная. Вела хозяйство. Отец ей всегда говорил; – вот дочь, когда-нибудь все это хозяйство перейдет моему наследнику, которого ты мне, когда-нибудь родишь. Эти слова никогда не принимала Нина всерьез. Она Вряд ли вообще, когда бы, то ни было собиралась иметь дитя. Кто знает, с чем это было связано? На этот вопрос, теперь никто не сможет дать какой бы то либо ответ. Да этого было и не надо так как, ведь она любила своих родителей, и огорчить их никак не могла.

Придерживающимся старым традициям и законам. И конечно, у этой семьи были завистники и доброжелатели. Одна из таких доброжелателей была Лагужина Евдокия Жаловская. Эта женщина необычайно крупной своей габаритности была завистлива, необычайно жестокой и жаднолюбивой сорокалетней дамой. Про таких всегда говорят, «КОРОЛЕВА-БАРЫНЯ». Да, так впрочем, оно и было на самом деле. Бывшая генеральша раскулачена советами при революции, она никак не могла простить большевикам ее безденежье. А нашу семью она ненавидела больше остальных, так-так мой дед Григорий Иванович принимал участие в ее раскулачивание. Теперь сдружившись с Прасковьей Филипповной, она водила ее по кабакам, всевозможным злачным местам, и прочим заведением. Ее муж ей говорил, чтоб она не водила дружбу с Лагужиной, но та отвечала.

– Не твое дело, с кем хочу, с тем и дружу.

– Но она тебя ничему хорошему не научит. Только дурному?! Ты что этого не понимаешь?

– Я с ней вижу жизнь. – Отвечала жена. – А с тобой я что вижу. – Ничего, ничего кроме твоих постоянных нравоучений, да и те верят ли, и тебе надоели.

– Делай все так как я говорю, и я не буду доставать тебя своими нравоучениями. – Осторожно сказал муж. – Ты посмотри, нашей дочери уже пять лет, скоро в школу пора, а она ни разу даже букваря в глаза не видела.

– А по чьей вене? – вставила жена. – Неужто ты думаешь что благодаря этой революции мы зажили б по-другому; – она сделала длинную паузу и глядя ему в глаза добавила. – Вряд ли???

Муж ударил Прасковью по лицу и указав на дверь рявкнул что было мочи своим командирским голосом.

– Вон! Иди к своей Лагужиной, пусть она тебя учит умразуму.

Так в 1938 году они поругались. Моя бабка ушла к Лагужиной бросив на произвол судьбы свою дочь и мужа.

Лагужина приняла мою бабку очень хорошо. Она даже зловеще улыбнулась, сказав при этом тихим беззвучным монотонным голосом.

– Я давно тебе говорила, брось этого своего мучителя, живи своей жизнью.

– Но дочка? – растерянно поинтересовалась Прасковья.

– Ты оставила свою дочь мужу. – Сказала она. – Пусть он о ней и заботиться.

После этих слов Прасковья закурила папиросу. Она не так часто, но в последнее время эта привычка стала заядлой и страстной потребительницей табака. В этой большой и светлой комнаты стала темной и тусклой. Вообще дом, где жила Евдокия Жаловская находился в двух шагах от нашего дома. Это был двухэтажный особняк который был отдан ей из-за того что, в свое время она работала начальником сельской отделение психиатрической больницы, и сейчас работал зав-отделением. Она занимала одну комнату на втором этаже. На стенах висели картины, у окна стоял письменный стол, шкаф для одежды, сервант в котором стояла посуда выпущена еще при царском режиме. И последнем, что было в этой комнате, это большая дореволюционная кровать. Кухня была маленькой. Газовая горелка стул стол. Вот и пожалуй, все что было в кухне, не считая конечно буржуйки, обогревающее это маленькое помещение.

– Знаешь. – Сказала Прасковья. – Мне все это надоело, хочу пожить одна.

Лагужина была довольна. Она наконец своего добилась, и ее труды не пропали напрасно. Прасковья отвернулась от своей семьи и пустилась во все тяжкие. «Так тому и быть. – решила она. – Так тому и быть» Она вытащила из серванта бутылку коньяка и два стакана. Налила и они выпили.

Прасковья предложила.

– Пойдем, погуляем.
Лагужина согласилась.

Глава 2

Злачные заведения в то время, как и сейчас, пользовались дурной репутацией. Хотя и нельзя было сказать, что органы не знали о таких злачных местах, так как им попросту было чихать на них, негласно они сами пользовались их услугами. И тем эти бордели жили. Но все же под конец и их сажали в НКВД. Говорили так, кто был в вышке, тот оттуда уже не вернется. Но все знали об этом, и для некоторых был шанс спасти своих мужей, сыновей от неминуемого расстрела.

В одно из таких злачных мест пришла Прасковья и Лагужина. Сразу табачный дым интеллигентных дам и запах из-за рта табаком и перегаром ударила в голову Прасковьи. Она еще никогда не было в подобных местах, и для нее это все было в дековильку. Дамы в платьях последней их моде выделялись разные пируэты и разные невообразимые «ПА». Кто-то сидел у барной стойки и пил самогон. Все напоминало ужас, из каково-то сна, где правил балом людской бог. И звали его Ропот и Страх. Эти два слово здесь в этом подвале страшил люд, горького разочарование. Хотели как лучше, а получилось как всегда. Кто-то у стойки говорил. – Сегодня приходили к нам, забрали Николая. А за что, он ничего плохого не сделал, а говорят враг народа. Да какой же он враг, он и муху-то не обидит, а тут ему приписывают враг народа: Другая женщина отвечала пья горькую. – Все мы сейчас хо-

дим под страхом, не у одной у тебя горе. У всех сейчас нет двора, откуда кого бы ни увезли. Да ты сама небось про это знаешь Фекла. Та зловеще улыбнулась. Выпила самогонку, сказала. – У меня такое ощущение, что мы бежим, бежим, бежим, бежим. По длинной извилистой дороге. Бежим в пустоту, все набирая темп, и не можем остановиться тут. Она заметила Лагужину. Она шла к ним с Прасковьей и о чем-то с ней говорила. Подойдя к женщинам, Лагужина поинтересовалась.

– Почему не веселимся?

– А чему нам радоваться? – сказала одна из женщин. – Мы обсуждаем проблемы насущной жизни.

Лагужина не могла поверить собственным ушам, вчера еще эта женщина радостная и жизнелюбивая радовалась жизни, а сейчас она видела нетрезвую убитым горем женщиной.

– Скажи Евдокия, – затягиваясь папиросой, спрашивала женщина. – В чем мы виноваты, что так с нами?

На этот вопрос вряд ли она могла ответить, да и могла б, вряд ли могла б сказать. Шпики были на каждом шагу, не было ни одного места, где можно было встретить их проклятую ненавистную физиономию. Смотря на эту женщину Лагужина чувствовала ее боль, боль материнского сердце и просто слабой женщины.

– Я не знаю. – честно сказала Лагужина, и обратившись к Прасковье сказала. – Когда ни будь и нас постигнет такая

учесть.

Женщина увидела Прасковью и спросила:

– А кто это с тобой?

– Эта Прасковья. – Представила она ее женщинам. – Прасковья, эта Фекла и Марфа.

– Очень приятно.

Марфа спросила:

– Нам тоже, выпьешь?

Прасковья не отказалась.

Вскоре изрядно подпившие дамы захотели танцевать. Но мужчин в заведении было в десять раз меньше чем дам. Марфа спросила:

– Что будем делать?

Прасковья решила, что раз нет мужчин то, женщины тоже будет вполне довольны эта не проблема, будем танцевать друг с другом, и пусть кто о чем думает, нам хорошо, а других то что мы делаем не касается. Лагужина вынуждена была остаться у стойки, так как из-за своей упитанности она не могла танцевать с кем бы то ни было, и женщинам приходилось танцевать меж собой по очереди. Но это продолжалась недолго, и когда Фекла заснула от большого приема алкоголя, Марфа спросила:

– Что тебя связывает с Евдокией?

– Мы дружим. – Ответила та.

– Говорят, что она нехороший человек.

Эти слова потрясли Прасковью. За те все те года, кото-

рые она ее знала, она ни разу не замечала за Евдокией Жаловской никаких странностей. Напротив, она была сверх души человек. Всегда приветлива, любезна вся ко угоджающая женщина. Таких все называют душа-человек. Но что у этого человека за душой, никто не знает. Неправда бывают такие люди, и их достаточно много в этой жизни. Это Марфа сказала Прасковьи, но та ей не поверила сказав.

– Ты врешь?! Евдокия Жаловская не такая!!!

– А какая она по-твоему?

На этот вопрос Прасковья не могла дать никакого ответа, впрочем, она и не знала что ответить. По сути она не знала ее. Не знала Лагужину как хотела б знать. Не знала она и эту женщину с которой разговаривала. Выпившая дама могла нести черт знает что, и, никто не скажет утвердительно, что она говорит правду. Верна русская пословица гласящая; «ЧТО У УМНОГО В ГОЛОВЕ ТО, У ПЬЯНОГО НА ЯЗЫКЕ.» Эти слова есть истинна русского народа. Но мы отвлеклись и, Прасковья тоже. Она смотрела на Евдокию Жаловская и только сейчас она поняла, что совершенно не знает кто она такая эта Лагужина???. Ей почему-то стало страшно, в первый раз в жизни, страшно. Ей показалось, что знакомое лицо Лагужиной, сейчас напоминало жабу. Большую уродливою отвратительную слизистую морду большой африканской жабы. Да, это была она жаба, Лагужина жаба. Сейчас пья самогон, она казалась ей тошнотворной. Прасковья шепнула на ухо Марфе:

– Я ее ненавижу.

Почему она это сказала она сама, не знала. Наверно, она решила, что, ей это лишь кажется, и лягушачья морда Лагужиной это лишь ее повредившейся разум ее пьяной и неуместной фантазии, и ее слова слышит лишь она сама? Кто знает?

Не поняв о ком, идет речь, Марфа спросила сквозь дремоту:

– Кого?

Прасковья, не поняв о чем речь, спросила:

– Что кого?

– Кого ненавидишь?

– Лагужину. – Может она не хотела этого говорить, но сказала. Не понимая, что говорит, полностью расслабившись, дремля на плече Марфы, она видела в этой богом забытой дыре, сейчас она была откровенна лишь с самой собой, по крайней мере ей так казалось. – Она мне столько добра в кавычках сделала. – Продолжала она. – С самого знакомство с ней моя жизнь пошла наперекосяк. Она рассорила меня с мужем, настроила против меня мою дочь, прелестную мою... я даже не могу вспомнить, как ее зовут, мою девочку. – Она сделала паузу, продолжила. – Никто не понимает меня, даже мои родные как это не прискорбно. Я все время хочу вырваться из этого ада! О боже кто б меня понял. Мой муж бывший начальник НКВД, всегда говорил мне, что революция это благо для человечества. Какое благо? Не понимаю. Без-

призорщина, разруха, грабежи, убийства. Вот к чему привела эта революция. А Лагужина, посмотрите-ка на нее. – С иронией сказала она. Сидит, пьет горькую. И чего же ей не пить когда ее раскулачил мой муж. Муж которого я благо-творю и ненавижу одновременно. – она сделала паузу. – Знаешь. – продолжала она. – мой муж хороший, он терпит меня такую какая я есть. Вот подонок, знает, что я с Лагужиной и не остановит меня. Хотя он что-то сегодня утром говорил мне. – Она зловеще улыбнулась. – ох: – Знаешь, эти солдафоны из НКВД, все такие.

– Какие?

– Гады.

Марфа удивилась, спросила.

– Неужто все гады?

– А то нет что ли?! Он посмотри, сколько безвинных людей навсегда увозят. Все молчат, боятся рот раскрыть, а я не хочу, душа болит за этих несчастных. Так иной раз хочется выйти на улицу набрать полной груди воздух и вовсе что есть мочи крикнуть «ЛЮДИ! ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ ЛЮДИ! ОЧНИТЕСЬ ЛЮДИ, ВЫ УБИВАЕТЕ НЕ СЕБЯ А СВОИХ ДЕТЕЙ. ЧТО БУДЕТ КОГДА ВЫ ПРИБЬЕТЕ ДРУГ-ДРУГА. ОПОМНИТЕСЬ ЛЮДИ!!! ОПОМНИТЕСЬ».

От этих слов Марфа отрезвела. Ей показалось, что Прасковья сошла сума, никто в здравом уме и здравом рассудке не сказал бы то, чужому человеку зная, что этот человек может в один миг сдать тебя властям. А там; – там церемонница

с тобой точно не станут, мигом дадут понять кто ты, и какое у тебя место в этой иерархии жизни. Да! Она рисковала, говоря все это. Даже в нетрезвом виде считала Марфа надо знать, о чем и что говорить в каждом случае жизни. Она спросила:

– Ты и вправду так считаешь?

Та не задумываясь, ответила кивком головы.

– Ага. – И добавила, – Выпить хочу.

– С тебя хватит.

– Что? – возмутилась Прасковья и потребовала выпить.

Любой, кто Марфу знал, что она и себе лишнего не нальет и другим не предложит. И сейчас она понимала что, Прасковьяхватила лишнего и вот-вот скажет, что либо такое во всеуслышание, что она да кто бы то либо ни смог б ее спасти от неминуемого заточение в НКВД. Да, так оно и будет. Она знала это наверняка. Она подвела ее к барной стойке, и попросила Лагужину помочь ей отвести Прасковью в одну из комнат. Но та сказала:

– Я отвезу ее домой. – Она зловеще улыбнулась вот пусть муж налюбуется на свою ненаглядную.

Марфа усмехнулась.

– Да, – протянула она. – Вот потеха будет.

Глава 3

Ежа домой в совершенно непотребном состоянии Прасковья размышляла. И ее размышление были не лишённых оснований. О чем же она думала? Она сейчас нам поведаёт. Я в ее подсознание и поговорю с ним. Вот оно все пропитое самогонкой, но достаточно ясное для разговора с ним. Я его спросил:

– Ты действительно так думаешь, как говорила Марфе?

– Я знаю – призналась она – я думаю совсем иначе, чем мое тело. Прасковья хорошая женщина. Немного помолчав, собравшись с мыслями, она мне сказала:

– Я такой сделала ее Лагужина. Мне очень жаль Прасковью но, я ничто не могу поделать. Ее тело как впрочем, и тела многих людей не слушают свой внутренний голос, свое подсознание, а оно о многом может рассказать, много что. Если все слушали свой внутренний голос то, многих их можно было б избежать, многих ошибок в жизни человек не сделал. Что говорить, вся жизнь была другой. Это так, и никто меня не переспорит. Я знаю, что многие бояться своих мыслей, пытаются их скрыть, держа их внутри себя. Но это часто приводит в тупик. В один из прекрасных дней, ходит до своей точки кипение, у каждого она своя, и высказывает все, что на душе наболело. Это страшно, страшно, когда понимаешь что, это все не стоило говорить, но уже это все равно и нет

пути назад. Да, это так. И пусть я завтра исчезну из ее жизни, если это неправдою.

Эти слова были как нельзя правдивы. Все, что сказала подсознание Прасковьи, о чем она думала, все сейчас она сказало, или не все?

– Жаль, что нельзя зажить по-новому.

– Почему?

– Говорят, кто начинает сызнова, тот кончает плохо.

– Какая чушь! Ты ошибаешься, тот, кто начинает свою жизнь заново, тот ни чуть, не проигрывает, наоборот ему в жизни начинает вести.

– Разве?

– А ты попробуй.

Подсознание задумалось. Ученые, не уставили, есть ли у подсознания, может быть оно есть. Во всяком случи, никто не знает об этом. Оставим эту тему на суд читателей. Одно скажу, это рассуждало подсознание со своим подсознанием. Так оно было.

О чем же в это время думала Лагужина? Сейчас мы об этом узнаем. А думала она ежа а авто вот о чем:

– «Я все правильно сделала, эта дура и пьяница как нельзя сделала все так, как и нельзя лучше. Я ДОВОЛЬНА!!! Эта сука сама не знает, что сыграла мне на руку. Все так, как должно было быть. Я победила. Отомстила за свою испорченную жизнь этой семейки из деревни, этим деревенским недотепам. Знак (V) то есть победа. Да, эта победа. – Она

посмотрела на пьяную Прасковью и ее перекосило. – Что спишь, спи, спи. Твой черед настал. Вот сейчас отвезу тебя, куда следует, и посмотрим кто из нас неудачник».

Как видим, Лагужина была женщиной злой, злопамятной. Общим та еще штучка.

О чем думало ее подсознание, мы сейчас узнаем.

– «Ты права, эта сука достойна наказания».

В голове у Лагужиной возникли фигура. Вот она.

Это было подобие креста. Креста, которого она доселе никогда не видела. Она вздернула головой, и ведение исчезло.

– Фу, что за черт. – В этот момент ей показалось, что сзади кто-то сидит, она остановила машину, обернулась. Никого не было. – Что за черт? – И в этот миг она услышала чей-то голос.

– Любишь зло, я тоже.

– Кто здесь? – Испугалась она. – Я сошла с ума?

– НЕТ.

– Кто ты? – Спрашивала она себя и отвечала; – Я брежу.

– НЕ БРЕДИШЬ. – Ответил кто-то. Добавил словно на смех. – ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ. – И голос исчез так же внезапно как появился.

Лагужина завела мотор авто и уехала прочь с этого место.

Итак Марфа. О чем думает ее подсознание. Сейчас узнаем. А Марфа думала вот о чем.

– «Что она мне наговорила. Бедная женщина. Вряд ли она понимала что говорила, да понимала ли? Вот в чем состо-

ит этот вопрос. Много людей сложила свои головы и головы своих товарищей трепа спьяну, все что ни попадя. Да, это так. Я права. Лагужина тот еще фрукт. – Она сделала паузу в своих размышлениях. – Зачем она ей? Что она хочет от нее? Это не только месть, не только. Я знаю ее мужа, что они хотят через нее избавиться от него. – Предположила она. – Возможно, это так. Но это было б очень банально. Хотя, чем черт не шутит, сейчас в этом мире все возможно, даже невозможное».

Эти рассуждения привели Марфу к тому, что она решила, что Прасковья нужна Лагужиной, для каково-то дела, но какого она не знала.

– Что ж, съезжу к Григорию Ивановичу. – Сказала она вслух. – Что он скажет?

Она вышла из увеселительного заведения, дошла до автобусной остановки, и сев в подъехавший, поехала прочь.

О чем в этот момент думала Фекла, я не знаю. Я даже не знаю, где оно была в этот момент. Да это и неважно. Сейчас к этой истории не имеет никого отношение.

Когда все разошлись, бармен спросил у барменши:

– Зачем Лагужина приходила, да еще привела эту Прасковью?

Та лишь пожала плечами.

Глава 4

– Что так все было, как ты рассказываешь? – Спросил Григорий Иванович у Марфы.

– Так оно все и было на самом деле. – Утверждала та. – Она пришла к нему потому, что когда-то он вытащил ее из НКВД: они сидели в одной из комнат, окна которые выходили на улицу, и пили кофе с молоком. Так как Марфа после некоторого перепоя приходила в себя.

– Да. – Протянул Григорий, закуривая сигару, он добавил. – Сегодня она дошла со сваяй Лагужиной, до верха неприличия.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что только придурашная станнит общаться с этой Лагужиной. – Пояснил он. И добавил и издевкой. – А она еще дружит с ней?! Я не понимаю таких людей, объясни мне Марфа, что не так с ней а?

Марфа задумалась. За все время, проведенное с Прасковьей, она так и низала, какая она на самом деле. Она лишь женским взглядом, со стороны, объяснить Григорию, что ей нужно, она начала:

– Не знаю, если я права то, чисто с женской точки зрения ей не хватает ласки...

Григорий язвительно улыбнулся. Каму как не ему было известно, что ласки в этой семье не было никогда. Да с чего

ей быть-то, когда Прасковья проводила большую часть своей жизни за бутылочкой и вместе с Лагужиной. Он бросил:

– Ласка у Лагужиной.

– ...мне очень прискорбно это слышать. – Тотчас же добавила она.

– А что здесь прискорбного? – Удивился он.

– Я как женщина, а не могу ни отметить тот факт, что Прасковья, то есть ваша жена, как она катится в пропасть, и никто не помогает ей образумиться.

– А что здесь такого? – Удивился он. – Пьет, это ее дело никак не мое.

– Вы так действительно считаете?

– А вы иначе?

– Я считаю, что Вы и Ваша жена считаете себя каждый богом. Я знаю, что Ваше доминирующие больше чем у Вашей жены. Вы считаете себя богом, богом из плоти и крови. Но это ни так. Вы ТИТАНЫ, или считаете себя таковыми. Но это не так. Титаны гибнут люди то же.

– Что Вы хотите этим сказать?

– Ничего такого, что мог бы сказать человек занятый лишь собой.

– И что это? – Не догадывался он.

– Ласку и понимание. – Сказала она. – Ей не хватает внимание. Она из тех людей, которым нужно все или ничего. Она, как и все женщины любят деньги. Что любит властвовать. Если б не революция я уверена, что она была б бары-

ней.

– Но революцию для того и сделали, чтобы уравнивать права всех. – Возразил он. – Что же это получается? Если б не было б революции, то мы жили с ней душа в душу?

– Выходит так.

– Нет, так не пойдет. – Возразил он. – Я не стану ломать свою жизнь ради нее, и потом, если б это было б возможно, но это невозможно. То, что сделано, то сделано, и нет пути назад.

– К сожалению, ты прав Григорий. – То, что сделано, то сделано. Но разве сейчас нельзя сделать ее счастливой?!

– Счастливой? Но как?

– Понимание и ласка, вот что спасет Ваш брак.

Григорий задумался.

– Ты уверена?

– ДА, УВЕРЕННА. – Однозначно ответила она.

– А где сейчас моя женушка, не знаешь? Домой она еще не возвращалась.

– Она уехала с Лагужиной. – Ответила Марфа. – Я не знаю, куда они поехали.

– Здесь вопрос в другом. – Сказал он.

– В чем?

Григорий нагнулся к Марфе, сказал:

– Вопрос заключается в ином.

– В чем?

– Зачем она ей? Вот в чем вопрос. – И как бы отвечая на

поставленный вопрос. – Ее ужели? – Догадывалась она.

– Вот именно.

Что Григорий имел в виду? Все очень просто. Дело было в том, что в те времена, впрочем, как и сейчас, агентов вербовали одним способом, шантажом. А так как директор НКВД знал, что Григорий очень опасен, а арестовать его не представляется никакой возможности, они решили воспользоваться Прасковьей. Как? Я еще не знаю.

Григорий задумался.

Григорий знал, что им надо человек для одной из работ на Ближнем Востоке, и он был уверен что, Лагужина Прасковью для того и взяла в оборот, чтобы выполнить это задание.

Марфа спросила, видя Григория в раздумье:

– Что с тобой?

– Ничего. – Ответил тот. – Если она в НКВД, то я завтра об этом узнаю. Они сами мне об этом сообщат с утречка. – Он встал из стола, подошел к окну, добавил. – Я в этом абсолютно уверен.

Видя, что Григорий в не себе, она подошла к нему сзади, обняла его за шею, спросила:

– Ты расстроился?

Тот положил свою руку на ее руку, и тихо сказал:

– А ты думаешь, что выслушать такое приятно?

Понимая его состояние, Марфа спросила, не хочет ли он расслабиться? Тот сказал, что это ему сейчас и не хватает. Марфа расстегнула его рубашку, и, повернувшись к ней ли-

цом, Григорий и Марфа слились в жарком и горячем поцелуи. В какой-то момент им показалась что, их тянет друг к другу. И они не успели опомниться, как оказались в постели, и Григорий вошел в Марфу.

Глава 5

Итак, дорогие читатели, если Вы можете сказать, что произошло дальше, то, Вы удивитесь, а может, нет. Впрочем, проверти себя, догадливы Вы или нет. Я знаю, что произошло в эту ночь, и сейчас расскажу об этом. Итак, начнем.

Ночь стояла над Москвой, тихо и мирно желтая луна озаряла мрачную землю России. В поселке все спали. Казалось, что ничто не предвещало беды. Но неожиданно этот покой нарушил рев автомобиля. Мотор затих так внезапно, как и возник. Затем скрипнула калитка и, через несколько минут тяжелые шаги подошли к двери. Опрели ее, и вошли в дом. Это было не кто иная, как Прасковья. Она ежа в машине Лагужиной, каким то образом поправила свое здоровья, и, придя в чувства, приехала домой. Это было неожиданным и скверным поступком. Она прошла в дом, осмотрев несколько комнат и не найдя мужа, оно разделась и легла в кровать, где почивали Григорий и Марфа. Она была уверена, что в доме никого нет, но она ошибалась. Ей что-то мешало уснуть, что-то большое и огромное. Два объекта, что лежали возле нее. Она испугалась, и запаниковала. Она вспрыгнула с кровати, напугав при этом спящих, подбежала к выключателю, и включила свет.

Она сразу отрезвилась, видя в постели своего мужа, с какой-то женщиной. Но через секунду она сумела различить

женские контуры Марфы. Она узнала б ее из тысячи других женщин. Она ее узнала.

Марфа сидела нагой в кровати и, тряслась от ужаса испытанно только что. Григорий же спокойно надел халат, вытащил из портсигара папиросу, со стола спички и закурил.

– М-м-мне-е-е... то-ж-же. – Заикаясь, попросила она.

Тот дал ей, что она просит, и сказал, обращаясь к Прасковьи:

– Так до смерти напугать можно. – Он выдержал паузу и холодно добавил. – Тебя стучаться не учили?

– Отстань от нее. – Сказала Марфа. Она уже пришла в себя и, могла здраво мыслить.

Придя в себя, Прасковья жестко спросила:

– Что здесь происходит?

– Ничего не происходит. Ответил спокойно Григорий. – Мы тут спим.

– Вижу, что спите. – Оскалилась Прасковья. – С кем? – Строго спросила она, и указав рукой на Марфу строго воскликнула. – Что с ней?! С этой сукой?

– Я не сука! – Возразила Марфа. И на ее лице появилась недовольство. Она затянулась сигаретой.

– А кто же ты? – И она вы ругнулась. – СУКА!!!

Этого Григорий не смог стерпеть. Он не привык, чтобы в его доме ругались, тем более, он не мог позволить, чтобы дело дошло до драки. Он подошел к Прасковьи, и, взяв ее за руку, попросил успокоиться, и пообещал ей все объяснить.

В частности он сказал:

– Знаешь, я понимаю твои чувство ко мне, и, – он указал рекой на Марфе, – этой женщине.

Прасковья неиствовала.

– Марфе, ты хотел сказать?!

Григорий не был удивлен, что она знает это имя, он продолжал.

– Да, Марфы.

Заметив, что Григорий не удивился, Прасковья потребовала с него ответ:

– Сколько времени это продолжается?

Тот с насмешкой, или иронической улыбкой посмотрел на нее, затем на Марфу, сказал:

– Вряд ли ты мне поверишь.

– ГОВОРИ.

– Сегодня первый раз.

Прасковья ехидно улыбнулась. Сказала, глядя ему прямо в лицо:

– НЕ ВЕРЮ!!! Я тебе не верю. А с тобой сука. – Обращалась она к Марфе. Я с тобой разберусь. – Затем она повернулась и выйдя из комнаты, закрыла за собой дверь. И Марфа бросила с иронией вслед:

– Конечною.

– Заткнись.

Марфа встала с кровати, оделась. Она уже жалела, что переспала с ним. Но с другой стороны никто из них не знал,

что она придет сегодня. Хотя она забыла, что это ее дом, и прийти могла в любой момент. Она спросила:

– Что с нами произошло?

Тот к ней повернулся, подошел твердо сказал:

– Стерва.

Та залепила ему горячую пощечину.

– Я НЕ СТЕРВА. – Заявила она и вышла из комнаты.

Григорий подошел к окну, теряя ладонью щеку, и о чем-то размышлял. О чем он нам поведаст позже. А сейчас мы оставим его наедине с собой, и вернемся к женщинам.

Итак, Марфа вошла в кухню, и увидела Прасковью, сидящую за столом, с начатой откупоренной бутылкой самогонки. Увидев Марфу, та недовольно фыркнула:

– Ты, чего надо?

– Поговорить.

– О чем?

– О нас.

– И? – Пристально глядя на Марфу, Прасковья прошипела. – Незачем, все и так ясно.

Марфа подошла к столу, налила себе стакан полной до краев самогонки, выпила ее, села рядом, сказала:

– Ты меня все-таки выслушаешь.

– Зачем. – Бросила та. – Все и так ясно.

– И что тебе ясно?

– Он мне. – Снова говорила она. – Я это ему никогда не прощу.

Марфа понимала ее чувство, может она также себя вела, если б застала своего мужа в постели в объятиях другой сволочи-женщины, если застала ее в постели со своим мужем. Впрочем, каждая из женщин повела бы себя по-разному. Кто знает, как бы повела б себя Прасковья, будь она трезва? Это нам не известно.

– Хорошо. – Согласилась Марфа с Прасковьей. – Будь по-твоему. Он тебе изменил. Но скажи сама себе, ответь на простой вопрос; – почему, он изменил тебе, в ком причина? Может не в нем, а в тебе? – Задала Марфа вопрос Прасковьи, на которой она не смогла ответить. – Что, не можешь ответить?

– Согласна. – После некоторого раздумья согласилась она. – Я плохая жена, и женщина в том числе. – Она снова налила стакан самогонки и залпом выпила ее. – И? – Задала Прасковья вопрос Марфе.

– Что и? – Не поняла та, что Прасковья имеет в виду.

– А он сам виноват! – Как бы оправдываясь перед самой собой, говорила Прасковья.

Марфа осторожно спросила:

– Что ты имеешь в виду?

Прасковья жестоко рассмеялась, как будто, да впрочем может и в заправду, она впала в истерику. Она дико рассмеялась, она говорила:

– Ты, сука. Какая ты сука. Мало того, ты переспала с моим мужем, ты еще говоришь, нет, утверждаешь, убеждаешь меня, что я же в этой измене виновата. Ну ни сука же ты по-

сле этого?

Марфе нечего было возразить, ведь она знала, что Прасковья права. Она хотела лишь поговорить с ней о происшедшем, а вышло действительно так, как будто она убеждала ее в своей непричастности к произошедшему в спальне, хотя разговаривала она с ней там так, как будто она была женой Григория, а Прасковья Филипповна влезла в постель в качестве любовнице ее мужа. Да, ситуация.

– ...Это дело я так не оставлю. – Продолжала неистововать Прасковья. – Ты узнаешь меня, узнаешь, на что я способна...

Марфа с интересом спросила:

– И что же ты мне сделаешь?

Прасковья на секунду задумалась. Она не знала что она сделает, или просто исчерпала свой словарный запас, а может приступ гнева прошел, она не понимала, и не найдя что ответить сказала:

– ...Не знаю, еще не решила. – Тут она успокоилась, пришла в себя, и мотнув головой сказала. – Что это со мной? Она не понимала, что с ней сейчас было. Она не помнила ничего из того что с ней произошло. Она спросила. – Что я говорила? Не помню.

Марфа недоуменно смотрела на нее. Она, то же не понимала, что сейчас было с Прасковьей. Ей было одно объяснение, ее поведению, (БЕЛАЯ ГОРЯЧКА). Да, она. Больше нечего. Марфа спросила:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Прасковья ответила:

– Хренова.

Марфа понимала, что с Прасковьей что-то не так. Она конечно понимала, что без больницы здесь не обойтись. – «Но не сейчас решила Марфа. Сейчас образумить, я ни в чем не виновата. Я просто... – Она запнулась, ей нечего было сказать в свое оправдание. – Что делать, когда просто хочется мужика?! Это больно, когда видя этого мужчину, видишь, что он страдает. Женское сердце ранимо, и оно не может безучастно смотреть, как мужчина страдает, и она решает спасти его. Такая и я, как все женщины, или их большинство, не может устоять перед мужчиной. Красивым и несчастным. Ох, как нам женщинам это знакомо. Чувство сострадание. Только как не мы можем понять их, мужчин, жаль, что они нас не понимают, так как понимаем их мы, женщины. Жаль». – Она спросила:

– У тебя это раньше бывало?

– Что? – Не поняла Прасковья.

– Твои приступы. – Пояснила Марфа. – Приступы, после которых ты ничего не помнишь?

Прасковья сказала совершенно уверенно.

– Нет.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Хорошо. – Успокоилась Марфа. – А то я бы, то подумала что...

– Что? – Перебила Марфу испуганная Прасковья. – Что подумала?

– Что у тебя белая горячка. – Сказала Марфа и пояснила. – Ее первоначальная стадия.

От этих слов Прасковья сделалась бледной как смерть. Дело в том, что она знала, что такое чума, чахотка, белая горячка, тиф, и многие другие заболевания свирепевшие в то время. Она спросила с чувством глубокого беспокойство:

– Ты уверена в своих словах???

Марфе было что сказать, но она задала один вопрос:

– Ты давно пьешь горькую?

Та задумалась.

– Около двух лет. – Сказала она и тут же поняла.

– Ты думаешь что???

– Совершенно верно. – Подтвердила Марфа и утвердила. – Я уверена. Это алкоголь.

Прасковья неистовала.

– Какая сука эта Лагужина!!! – Кричала она. – Я к ней со всей душой, а она... – Злилась на себя Прасковья. – Эта сука...

И тут Марфа неожиданно спросила у Прасковьи:

– А откуда ты сейчас приехала?

Прасковья на секунду задумалась и машинально сказала:

– Не помню.

Она действительно не знала, откуда она приехала, она не знала ничего из того, что она должна была помнить. Она

помнила лишь то, что после пивнушки, она села в машину Лагужиной. На этом ее воспоминания обрывались. Дальше пустота. Прасковья испугалась, испугалась того, что за все это время она никогда не слушала своего мужа. А он был прав, когда говорил, что Лагужина ей не компания. Она встала со стула и побежала в спальню, в спальню, просить у Григория прощение, прощение за все то горе, которое она ему причинила. Но ее труды были тщетны. Вбежав в спальню, она не обнаружила никого, лишь записку оставленном Григорием, лежащую на той же, но уже застеленной кровати. Я напишу ее полное содержание, без сокращений. Вот ее содержание.

Записка.

Прасковья, моя жена. Я устал от твоих споек и дружбы с этой Лагужиной. Я оставляю тебя, Надеюсь, что с ней ты будешь счастлива. Что касается нашей дочери, то я ее забираю. Я не хочу, чтобы она росла в обстановке никак не востребованном ее детской психикой. Досвидание, Григорий.

Прасковья, дочитав записку, ничего не сказав, обернулась к двери. Она даже не заметила, как записка выскочила из ее рук, и плавно опустилась на кровать. В эту минуту, она никого ничего не хотела слушать и видеть. Она только знала одно, ее бросили, бросили за то, что ей изменили. Она, конечно, знала, что она не подарок, и все-таки? Она не понимала, почему произошло так и не как иначе. Она видела перед собой зашедшую в спальню Лагужину. Прасковья не

понимала, откуда она взялась. Она видела перед собой лягушачью морду, насмешливую и надменную улыбку. Все то, что можно увидеть, всю мерзость в человеке, особенно когда он пьян, она видела сейчас в Лагужине. Она со злобой, скоробившись прошипела:

– Ну что, довольно?

Но та лишь дико смеялась. У Лагужиной не было ни чувство жалости, ни чувство сострадание, ничего, что присуще человеку.

– Пропусти. – Потребовала Прасковья. – Пропусти, а не то пожалеешь!

Лагужина стояла у входной двери и массой своего тело затмевала проход. Она с превосходством заявила:

– И что ты сделаешь? – И она пуще прежнего, дико расмеялась.

И тут произошло то, что Лагужина не могла никак ожидать. Да и Прасковья то же была в недоумении. Чья-то неведомая сила схватила Прасковью, и бросила в сторону двери, где стояла Лагужина. Прасковья не зная как, пролетела сквозь Евдокию Жаловскую и, вылетев в дверь, она очутилась в каком-то пространстве, пространстве, невесомом состоянии своего тело. Ее мозг отяжелел, будто что-то неведомо сильное и тяжелое сдавило ее мозги. Клаустрофобия, подумала Прасковья, и решила, сама, и удивилась, откуда она знает это слово; клаустрофобия? – Что это со мной? – В ужасе думала Прасковья. – Что со мной произошло? Я мертва?

«НЕТ, НЕ МЕРТВА». – Сказал чей-то голос в ее подсознании.

– Кто ты? – Испугано спросила Прасковья. – Я сплю?

«НЕТ, ЭТО НЕ СОН».

Прасковья настороженно спросила:

– Кто ты? – И услышала неожиданный ответ.

«Я, ЭТО ТЫ, ТЫ, ЭТО Я».

Прасковья не понимала смысла этих слов. Ей казалось, что она в иной ром реальности, измерение «X2Z124». Так называли это измерение люди, которые верили в лучшей мир, чем этот.

– Не понимаю?

«ПОЙМЕШЬ. – Сказал кто-то. – ГОТОВА?»

– Готова к чему? – Не понимала Прасковья. Но голос лишь сказал:

«ПОЕХАЛИ».

И в эту самую секунду Прасковья почувствовала, что невесомость исчезла, и она с огромной, неведомой скоростью, полетела вниз. Ее голова стала еще тяжелей, и она почувствовала нестерпимое головокружение. Она в эту минуту стала вспоминать все то, хорошее и плохое, что она сделала в жизни. И оказалась, что она не могла похвастаться ничем, кроме похождения с Лагужиной по значным местам. И тут, вдруг, головокружение исчезло, в голове появилась прохлада, а затем полная пустота обоих полушарий. И к удивлению Прасковьи, вся эта пустота и головокружение исчезло. В го-

лове появились мерцающие картинки, которые соединялись меж собой, и Прасковья увидела что-то, что было присуще лишь ей одной. Она блаженствовала. И ужасалась. Ужасалась оттого, что ей было велено.

Это был полет, да это был полет. Он показал Прасковьи, что такое есть страх. Что она видела тогда, я не знаю, на этот вопрос она мне всегда отвечала. – То, что я там видела это лично для меня. Одно скажу; жизнь, это крупица нашего сущего. – Эти слова я тогда не понимала, но, в зрелом возрасте, когда уже я прожила свою жизнь, я стала понимать, что она имела в виду. – Итак, в какую-то секунду, Прасковья почувствовала, что она упала в пустоту, и приземлилась, в страшном головокружении, и потере ориентации. Она слышала чьи-то голоса, и тут, откуда ни возьмись она услышала до боле знакомый голос Григория, своего мужа:

– Очнулась? Что за жена? – Злился он. – Не жена, а сплошное наказание.

Глава 6

Очнулась Прасковья в какой-то светлой больничной палате. Она осмотрелась и подумала. – «Как я здесь оказалась?»

Серые стены, сетчатые кровати, какое-то мед-оборудование. Врачи стояли возле нее. Все это она видела в тумане, так как ее глаза, да и впрочем, и она сама, еще не проснулись после долгого и продолжительного забытья. И вот ее глаза открылись полностью, и она увидела перед собой, стоящего у койки Григория и, стоящую возле кровати Нину, ее дочь. Прасковья сначала опешила, ведь ее муж покинул ее, а тут? Она не понимала, в чем тут дело? Как произошло так, как не могло произойти? – «Или я сплю?» – Думала Прасковья. «И – то, что сейчас происходит это сон?»

Григорий спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Нина бросилась на шею маме и молящем воплем воскликнула:

– Не покидай нас МАМА!!!

Она крепко обняла ее за шею, и зарыдала. Прасковья почувствовала всю ту мольбу и детскую радость того, что она не покинула этот грешный мир. Что она еще жива. Жива. И это был не сон. Явь, радостная дочерняя радость того, что ее мать жива, жива и с ней ничего не случилось. Прасковья крепко обняла свою дочь, сказала:

– Не бойся, я жива.

Нина спросила:

– Ты не умрешь?

– Кто тебе такое сказал? – Спросила она и посмотрела с упрёком на мужа. – Отец?

– Нет.

– А кто? – Продолжала допытываться мама.

Нина призналась.

– Одна девочка.

– Какая девочка?

– Варвара.

Прасковья лазского улыбнулась, сказала:

– Глупая девочка эта Варвара.

– Я ей тоже сказал об этом. – Вставил Григорий. – Но она хотела видеть тебя. – Объяснил он. – Пришлось взять ее с собой. Говорила, что не уснет, пока не убедится, что ты не на небесах.

Прасковья выслушала Григория, спросила у дочери:

– Ты так сильно меня любишь?

Дочь воскликнула:

– Да мама люблю!!! – И она пуще прежнего крепко зажала маму в своих объятьях.

– Задушишь. Отпусти.

Дочь ослабила свои объятья, но не отпустила маму. Она боялась потерять ее, и поэтому, прильнув к ней, спросила:

– Можно я сегодня буду с тобой?

Этот вопрос поставил обоих родителей в тупик, они не могли отказать ей, но часы посещения были ограничены, и никто после определенного времени не мог здесь задержаться. Прасковья сказала:

– Можно, пока отец здесь.

Нина умоляюще посмотрела на отца.

– ПАПА!!!

– Нет. – Отрезал тот. – Только пока я здесь.

– Но па...

– Я же сказал, нет. – Отрезал он. – Нет и точка.

Нина лишь сказала:

– Злой.

Отец ничего не ответил. Он смотрел на свою жену, и ему было горько. Горько за то, что его жена непутевая женщина. И она вряд ли могла ему возразить.

Прасковья спросила:

– Как я здесь оказалась?

И Григорий рассказал ей то, что знал.

– Сегодня утром, ко мне пришел наш участковый Зверев, и сообщил мне что, вчера ночью к ним позвонил неизвестный, и сообщил, что женщина лежит на пруду совсем бес сознания. Он поехал на пруд, и, обнаружив там тебя, вызвал скорую, и составил протокол. Так ты оказалась здесь. – Он сделал паузу, продолжал. – Затем он направился ко мне и сообщил мне о тебе. Сняв с меня показание, он отвез меня в больницу, и тут мне доктор объяснил, что у тебя не только

алкогольное отравление, но и помутнение рассудка. То есть начинающая белая горячка. – Он тяжело вздохнул. – Так что тебе здесь придется задержаться. Вот и все что мне известно. – Закончил он.

Прасковья была в смятении. Она не знала что и думать. Она не помнила ничто, что произошло в тот вечер. Ее сознание было стерто, и это ее пугало. Она сказала:

– Знаешь Гриш, я ничего не помню. – Она сделала паузу, как бы подчеркивая верность своих слов. – Я действительно ничего не помню. – Со стороны это казалось жалостью к самой себе. – Сколько раз я попадала в истории, но всегда я все помнила. А сегодня? – Она сделала паузу. – Сегодня я согласна, перегуляла. И не смотри на меня так, как будто я в чем-то виновата. Я не виновата, а ошибиться может каждый.

Григорий холодно спросил:

– Ты так считаешь?

– Это так. – Утвердила Прасковья. – Я так считаю.

Григорий сделал долгую и затяжную паузу и затем сказал:

– Вряд ли ты когда ни будь меня слушала, выслушай же сейчас. Я устал от твоих каждодневных пьянок. Ты просто обычная пьяница. Смотри, куда ты опустилась. Я за свою жизнь видел много людей, ты хуже их всех. Смотри, тебя нашли на нашем пруду. Пьяную, грязную...

Да. Это нравоучение было не для детских ушей. Но возражению Прасковьи, Григорий сказал:

– Пусть слушает. Ей полезно знать какая у нее мать.

Мать. – Усмехнулся Григорий. – Мать; если это можно так назвать.

– Ну хватит!!! – В отчаянии воскликнула Прасковья.

В эту секунду Нина вырвалась из объятий мамы и убежала в какой-то угол палаты и сев на корточки с ненавистью в глазах, смотрела, как ее родители ругаются.

«КТО ВЫ, ЗВЕРИ? ВЫ ЧТО ДЕЛАЕТЕ РОДИТЕЛИ. Я ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ. НИКТО МЕНЯ НЕ ПОНИМАЕТ. Я ХОЧУ ЛИШЬ ОДНО, МИРА. МИРА И СПОКОЙСТВИЕ. ДА, ЭТО МНЕ НЕ ХВАТАЕТ. ПОНИМАНИЕ». – Так думала маленькая Нина сидя в углу.

Когда они успокоились, Нина сказала умоляюще:

– Па, пойдем домой, маме надо отдохнуть.

– И то верно. – Согласился отец. – Пора. – Так они расстались. Расстались так, как будто никогда не были знакомы. Отец тогда возненавидел маму так, что больше видеть и слышать ее не мог.

Затем в палате вошла до безобразия упитанная дама с похжим лицом на лягушку. Это конечно была Лагужина Евдокия Жаловская. Она поздоровалась с Прасковьей, представилась, справилась о ее здоровье и задала вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.